

На правах рукописи

Пикина Татьяна Владимировна

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ
ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный университет»

- Научный руководитель:** **Прохорова Марина Леонидовна**,
доктор юридических наук, профессор
- Официальные оппоненты:** **Агапов Павел Валерьевич**,
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики факультета права
- Меркурьев Виктор Викторович**,
доктор юридических наук, профессор,
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействия экстремизму
Научно-исследовательского института
- Ведущая организация:** федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Защита состоится «18» декабря 2025 года в 10 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.2.320.07 по юридическим наукам, созданного на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», по адресу: 350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43, ауд. 11.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (<https://www.kubsu.ru/>).

Автореферат разослан «___» октября 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.2.320.07
кандидат юридических наук, доцент

Лукожев Хусен Манаевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Диверсионная деятельность, осуществляемая в Российской Федерации в настоящее время, представляет собой одну из наиболее опасных по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям социально-экономических, общественно-политических и моральных проблем, с которыми столкнулось государство после начала специальной военной операции (*далее – СВО*). Названное явление угрожает безопасности мирных граждан, объектам жизнеобеспечения населения и критической инфраструктуры, содержит реальные риски жизни и здоровью населения, представляя угрозу безопасности общества и государства.

В условиях проведения СВО наша страна продолжает оставаться открытой для въезда как беженцев из новых субъектов Российской Федерации (присоединенных в 2022 г. Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей), так и иностранных граждан тех государств, которые являются поставщиками вооружения на территорию Украины. Наличие доступных современных электронных информационных технических устройств и программного обеспечения, многочисленных мессенджеров с возможностью создания закрытых групп упрощает работу кураторов диверсионных групп и непосредственно диверсантов.

Россия в настоящее время является курируемым западными инструкторами полем для отработки различных приемов и способов диверсионной деятельности, которые становятся более изощренными и жестокими.

Складывающаяся в России криминогенная обстановка в части совершения преступлений диверсионной направленности указывает законодателю на необходимость своевременного реагирования на возникающие угрозы с учетом исторически сложившегося опыта, связанного с возможным или реальным вооруженным конфликтом. Подобная тенденция сохраняется во всех странах постсоветского пространства, а также странах, вовлеченных в вооруженные конфликты, или странах, на территориях которых подобные конфликты имели место быть.

При этом при формировании уголовно-правовой политики в сфере противодействия диверсионным преступлениям законодатель не всегда в полном объеме осуществляет законодательное регулирование необходимых вопросов, что, в свою очередь, может привести к недостаточной или запоздалой криминализации соответствующих деяний, появлению проблемных аспектов квалификации предусмотренных законом посягательств (в связи с отсутствием или недостаточной разработанностью понятийного аппарата) либо дифференциации уголовной ответственности за них. Устранение проблемных вопросов уголовно-правовой оценки, а равно установление четких критериев разграничения диверсии со смежными составами преступлений призвано способствовать решению задач уголовного законодательства и формированию единого подхода к практике применения норм об ответственности за данное и примыкающие к нему преступления.

Не менее важна в ракурсе противодействия диверсионным проявлениям криминологическая политика в соответствующей сфере, призванная на основе изучения состояния диверсионной преступности, ее динамики и тенденций, выявления причин и условий таковой, формирования портрета личности преступника-«диверсанта» разработать комплекс общесоциальных и специально-криминологических средств противодействия названному виду преступности.

В этой связи в настоящем диссертационном исследовании уделено внимание двум важным составляющим уголовной политики противодействия диверсионным преступлениям, таким как уголовной-правовая и криминологическая политика. Данный подход обусловлен необходимостью становления основных теоретических и правовых постулатов и разработки инструментов криминологической политики, являющейся стратегической основой уголовной политики. Другим не менее важным составляющим структуры уголовной политики противодействия преступлениям, таким как уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная политика и др., отводятся особые роли, требующие отдельных доктринальных исследований.

Не вызывает сомнений тот факт, что диверсионная деятельность со стороны противоборствующей стороны конфликта представляет собой угрозу как национальной безопасности государства, так и социально-экономическим процессам на всей территории страны. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия безопасности), утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400¹, разведывательная и иная деятельности иностранных государств наносит ущерб национальным интересам Российской Федерации. В целях противодействия внешним и внутренним угрозам национальной безопасности сформулированы задачи, достижение которых будет способствовать обеспечению государственной, общественной, информационной, экономической безопасности и защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а именно: защита от выведения из строя объектов критической инфраструктуры, в том числе информационной; защита объектов жизнеобеспечения населения, оборонно-промышленного комплекса, объектов транспортной инфраструктуры и других критически важных и потенциально опасных объектов; санитарно-эпидемиологического благополучия населения; объектов, влияющих на рост экономики страны, включая транспортную инфраструктуру. Стратегией безопасности подтверждается также существование угрозы информационно-психологических диверсий, представляющих опасность для традиционных российских духовно-нравственных ценностей. По нашему мнению, перечисленные задачи, стоящие перед российским государством, потенциально могут быть подорваны диверсионной деятельностью иностранных государств, что

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

способно привести к экономической стагнации, утрате суверенитета и нарушению государственной целостности.

Важность борьбы с диверсионной деятельностью подчёркивается недавними изменениями, внесенными в Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹. Так, в июне 2025 г. законодателем дополнен перечень преступлений, на борьбу с которыми направлен указанный федеральный закон, включением в него диверсии. Это расширение правового механизма, призванного предотвратить финансирование диверсионной деятельности, подтверждает серьезность угрозы, которую таковая представляет для государства.

Таким образом, можно спрогнозировать, что в случае затягивания вооруженного конфликта на Украине со стороны коллективного Запада количество преступлений диверсионного характера на территории России может достигнуть угрожающего национальным интересам уровня. Задачей государства в данных условиях является укрепление не только политической и экономической стабильности в целях противостояния данным преступлениям, но и внесение в действующее законодательство теоретически обоснованных изменений, способных создать необходимую правовую базу для такого противодействия. В связи с этим дальнейшей доктринальной разработки требует понятийный аппарат, используемый при формулировании составов соответствующих посягательств, вопросы криминализации деяний, так или иначе связанных с указанной деятельностью, и дифференциации ответственности за них.

Степень разработанности темы диссертационного исследования. Теоретические вопросы уголовно-правовой ответственности за диверсию затрагивали в своих работах такие ученые, как А.А. Волчкова, М.Д. Давитадзе, Р.В. Закомолдин, Т.М. Лопатина, В.В. Меркурьев, А.И. Моисеенко, А.М. Плешаков, М.Л. Прохорова, В.Е. Суденко, Г.С. Шкабин, и ряд иных авторов.

Изучением отдельных вопросов квалификации и пенализации преступлений, связанных с осуществлением диверсионной деятельности, отграничения ее от террористической и экстремистской занимались такие ученые, как П.В. Агапов, М.Г. Горенко, Н.А. Горшкова, И.В. Пикин, Л.А. Татаров, И.А. Тараканов, А.Ю. Тутуков и некоторые другие.

Вопросам криминологического противодействия преступлениям диверсионной направленности посвятили свои работы Ю.М. Антонян, Г.Н. Горшенков, А.И. Долгова, С.Ф. Милюков и ряд иных.

¹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418; О внесении изменений в статью 7.4 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 26 (часть I). Ст. 3492.

Однако, несмотря на то, что составу диверсии как преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, посвящено немало научных исследований, в настоящее время существует необходимость уделить серьезное внимание всестороннему системному анализу всей группе преступлений диверсионной направленности, так как вопросы ответственности за них приобретают совершенно новый контекст, требующий уровня их изучения, соответствующего современным реалиям и потребностям уголовно-правовой и криминологической политики в указанной сфере, а также разработки на этой основе актуальных направлений их совершенствования и адаптации к происходящим событиям.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с формированием и реализацией таких составных частей единой уголовной политики противодействия преступлениям, связанным с осуществлением диверсионной деятельности, посягающим на экономическую безопасность и обороноспособность Российской Федерации, как уголовно-правовая и криминологическая политика.

Предмет исследования образуют нормы действующего уголовного закона, направленные на противодействие преступлениям диверсионной направленности, их исторические аналоги, корреспондирующие им положения зарубежного уголовного права; сложившаяся практика применения ст. 281–281³ УК РФ; соответствующие статистические данные; современная диверсионная преступность, ее причины и условия; криминологическая характеристика личности преступника-«диверсанта»; меры противодействия диверсионным проявлениям; доктринальные разработки изучаемой проблематики.

Цель и задачи исследования. *Целью диссертационного исследования* выступает формирование комплекса новых доктринальных представлений о пределах криминализации деяний, связанных с осуществлением диверсионной деятельности, уголовно-правовом содержании составов преступлений, предусмотренных ст. 281-281³ УК РФ, дифференциации ответственности за них, направлениях их пенализации, криминологической характеристике данных посягательств и разработка на этой основе с учетом сложившихся условий российской действительности направлений совершенствования таких составных частей единой уголовной политики в области противодействия указанным посягательствам, как уголовно-правовая и криминологическая политика.

Для достижения этой цели поставлены следующие *исследовательские задачи*:

- раскрыть социальные предпосылки криминализации деяний, направленных на осуществление диверсионной деятельности;
- выявить закономерности введения в закон норм, расширяющих круг преступлений диверсионной направленности, в результате рассмотрения исторического генезиса формирования ответственности за них в отечественном уголовном законодательстве;

- установить подходы к регламентации ответственности за деяния, направленные на осуществление диверсионной деятельности, свойственные современному зарубежному уголовному законодательству;
- уточнить уголовно-правовое содержание преступлений диверсионного характера;
- установить избранные законодателем критерии дифференциации ответственности за преступления диверсионного характера, а также подходы к их пенализации и дать им критическую оценку;
- выявить проблемные аспекты в разграничении указанных посягательств и преступлений экстремистской, а также террористической направленности и предложить критерии их «размежевания»;
- обосновать предложения по корректированию действующего отечественного уголовного законодательства в соответствующей части;
- представить криминологическую характеристику современной диверсионной деятельности и личности преступника-«диверсанта»;
- выявить причины и условия, способствующие диверсионной деятельности;
- определить комплекс общесоциальных и специально-криминологических средств противодействия диверсионной деятельности.

Методологическая основа исследования. В основу исследования положен всеобщий диалектический метод познания. В целях достоверности и полноты рассмотрения избранной темы в диссертационной работе применялись как общенаучные (анализ, синтез), так и частно-научные (исторический (ретроспективный), формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и конкретно-социологический (анкетирование, изучение документов) методы. В частности, общенаучные методы (анализ и синтез) применялись для определения правовой природы диверсии, особенностей юридической конструкции как этого деяния, так и иных преступлений диверсионной направленности, для познания совокупности диверсионных преступлений.

Исторический (ретроспективный) метод познания позволил проследить развитие норм, устанавливающих уголовную ответственность за диверсию, что дало возможность определиться с понятийным аппаратом, имеющим отношение к рассматриваемым преступлениям. Исторический метод совместно с анализом и формально-логическим методом позволили выявить криминогенные детерминанты диверсионной деятельности. Сравнительно-правовой метод использовался при проведении компаративистского изучения зарубежного законодательства об ответственности за преступления диверсионной направленности или не одноименные, но сходные по характеристике состава посягательства деяния. Формально-юридический метод позволил проанализировать действующее законодательство об ответственности за деяния диверсионной направленности, развить современный понятийный аппарат, имеющий отношение к рассматриваемым преступлениям, обобщить судебную практику в соответствующей ее части, а использование формально-логического метода – дать конкретную оценку мнений различных авторов относительно рассматриваемых

в диссертации вопросов, а также выделить специфику криминологической политики противодействия диверсионной деятельности. Статистический и конкретно-социологический методы послужили инструментами для выявления характерных черт личности преступника-«диверсанта» и разработки предложений по внесению корректив в Комплексный план противодействия идеологии диверсии в Российской Федерации на 2024–2028 годы.

Эмпирическую базу исследования составляют информация о 23 уголовных делах о рассматриваемых преступлениях, полученная из открытых источников; статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о количестве осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 281, 281¹, 281², 281³ УК РФ, за 2018-2024 гг.; опубликованные им отчеты о демографических признаках осужденных по всем составам УК РФ, в том числе за названные деяния, за указанный период; ряд постановлений Пленума Верховного Суда РФ; публикации в СМИ, в том числе сети Интернет; результаты анкетирования 150 сотрудников правоприменительных органов (83 следователей и 67 судей), а также опроса 92 студентов (курсантов) Владимирского юридического института ФСИИ России, Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, юридического факультета Владимирского филиала РАНХиГС.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней с учетом изменений, внесенных в УК РФ Федеральными законами от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ и от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ, осуществлено комплексное исследование диверсии как одного из наиболее опасных посягательств на основы конституционного строя и безопасности государства, а также иных преступлений диверсионной направленности, сквозь призму реализации основных направлений (методов) уголовно-правовой политики – криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности, а также в ракурсе криминологической политики противодействия диверсионной деятельности.

В диссертации впервые или в рамках авторского видения решены следующие вопросы, имеющие теоретическое или прикладное значение:

на основе обобщения изученного теоретического и практического материала сформировано представление о социальной обусловленности криминализации деяний, связанных с осуществлением диверсионной деятельности;

выявлены закономерности зарождения, развития и трансформации норм отечественного уголовного законодательства об ответственности за диверсионную деятельность в зависимости от взаимоотношений российского государства с другими странами в тот или иной исторический период;

в результате проведенного компаративистского рассмотрения положений зарубежного законодательства, направленных на уголовно-правовое противодействие диверсионной деятельности, выявлен позитивный нормотворческий опыт, представляющий интерес в ракурсе его возможного учета в процессе совершенствования отечественного уголовного закона в соответствующей его части;

сформулированы и обоснованы предложения по корректированию системы и содержания уголовно-правовых норм, направленных на предупреждение диверсионной деятельности, в рамках совершенствования уголовно-правовой политики в указанной сфере;

представлена криминологическая характеристика современной диверсионной деятельности и корреспондирующей ей личности преступника-«диверсанта»;

определен комплекс причин и условий, способствующих совершению диверсионных преступлений;

разработана система общесоциальных и специально-криминологических средств противодействия указанным преступлениям в целях совершенствования криминологической политики в соответствующей части.

Научная новизна диссертации отражается и в **положениях, выносимых на защиту:**

1. На основе осуществления исторического анализа отечественного уголовного законодательства в соответствующей его части и условий, сопутствующих его формированию на том или ином этапе существования российского государства, выявлены социально-правовая обоснованность криминализации деяний, относящихся к диверсионным, и закономерность введения в закон норм, расширяющих круг преступлений диверсионной направленности, в зависимости от состояния государства – мирного или характеризующегося условиями возможного либо реального вооруженного конфликта. Своей тенденцией усиления ответственности за диверсию, расширения рамок криминализации соответствующей деятельности, включения дополнительных признаков, характеризующих диверсию, объективно обусловлена реально существующими угрозами территориальной целостности, экономической безопасности и обороноспособности страны, идеологии и практике мирного сосуществования народов.

2. Уголовные законодательства стран ближнего зарубежья содержат нормы об ответственности за диверсию либо четко формулирующие преступления, схожие с ней по характеристике признаков составов до степени идентичности. Законодатели большинства стран дальнего зарубежья используют разные подходы к регламентации уголовной ответственности за совершение диверсии с учетом объема криминализации данного деяния. Обобщив их нормотворческий опыт, можно выделить законы стран, где диверсия рассматривается: а) в качестве самостоятельного преступления (против безопасности государства); б) в качестве иных деяний, весьма условно относящихся к диверсии.

3. Выявлена недостаточная разработанность понятийного аппарата, связанного с характеристикой диверсии и преступлений диверсионной направленности, что создает определенные проблемы в процессе их квалификации и разграничения со смежными составами преступлений. В связи с этим сформулированы и предложены к введению в научный оборот и для практического применения дефиниции ряда соответствующих категорий (в частности, диверсионной деятельности, преступлений диверсионной направленности,

диверсионного акта, акта информационной диверсии, акта кибердиверсии, обороноспособности как компонента объекта диверсии).

4. Установлено, что отсутствие уголовно-правовой регламентации ответственности за деяния, состоящие в публичных призывах к осуществлению диверсии, публичном оправдании диверсии или пропаганде диверсии, препятствует надлежащему уголовно-правовому реагированию на соответствующие формы общественно опасного поведения, что способно выступить предпосылкой их широкого распространения в обществе. В современных реалиях устранение данного пробела видится необходимым условием обеспечения стабильности и безопасности существования государства, в связи с чем обоснована необходимость криминализации указанных деяний.

5. В целях обеспечения четкой системности уголовного закона и недопущения правовых коллизий в практике реализации уголовно-правовой политики противодействия преступлениям диверсионной направленности предлагается гармонизировать положения Общей и Особенной частей УК РФ относительно названных посягательств, в частности, путем внесения в ч. 5 ст. 35 УК РФ указания на деяние, предусмотренное ст. 281³ УК РФ.

6. С учетом результатов теоретического, сравнительно-правового анализа сформулирован комплекс предложений, развивающих и дополняющих подходы к квалификации преступлений диверсионной направленности, обоснованы рекомендации по отграничению деяний, предусмотренных ст. 281, 281¹, 281², 281³, 281⁴ УК РФ, от смежных составов преступлений (в частности, связанных с осуществлением террористической и экстремистской деятельности) в зависимости от цели совершения преступного посягательства.

7. Обоснована позиция о наличии в совокупности диверсий, рассмотренных в их динамике, признаков системно-структурного негативного явления, характеризующегося наличием устойчивых закономерных связей в рамках структуры диверсий и внешних корреляций с другими видами преступлений, характеристиками личности преступника и социальной средой. Эти связи проявляются в увеличении объема диверсионных преступлений в случае ухудшения социально-политических отношений в Российской Федерации, зависящих от активного противостояния с другими участниками международных отношений; стабильности структуры преступлений с сохранением деяний, имеющих корыстную мотивацию, в корреляции с динамикой других преступлений (в первую очередь террористического характера, незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств, государственной измены и шпионажа); в особенностях характеристик личности преступника, отличающихся, с одной стороны, стабильностью идеологической установки у части диверсантов, а с другой, подверженностью влиянию иностранных спецслужб с характерной мотивацией малодушия и корыстолюбия.

8. Диверсионную преступность (преступность диверсионного характера) предлагается определять как разновидность преступности, выраженную в совокупности преступлений, предусмотренных ст. 281–281³ УК РФ, и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период времени.

При этом временной период, позволяющий определить природу диверсионной преступности, связан с более широкими временными отрезками, отличающимися наличием крупных социально-политических и политико-экономических противоречий международного характера.

9. Сформулирован и аргументирован вывод об изменении характеристик личности диверсанта в условиях СВО за счет активного вовлечения иностранными спецслужбами несовершеннолетних и молодежи, что привело к сегментированию качеств и свойств в личности диверсанта в рамках двух типов – идейного (сохраняющего типичные черты – мужчина старше 30 лет, с высшим образованием, не судимый, совершивший преступление по политическим мотивам) и корыстного (как правило, мужчина младших возрастных групп, образование среднее/средне-профессиональное, с низким уровнем социализации, совершивший преступление из корыстных побуждений). Идейный тип отличается повышенной общественной опасностью и активностью, корыстный тип – по степени криминогенной опасности – ситуативный и случайный.

10. Обоснованы предложения по корректированию положений Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы, в текст которого необходимо внести изменения, позволяющие интегрировать в существующий механизм профилактики терроризма элементы воздействия на причины и условия диверсий.

Теоретическая значимость исследования состоит в дополнении науки уголовного права и криминологии комплексным знанием относительно вопросов, исследуемых в работе, а также в том, что полученные результаты могут быть положены в основу дальнейшего доктринального рассмотрения проблем формирования уголовно-правовой и криминологической политики противодействия преступлениям, предусмотренным ст. 281, 281¹, 281², 281³ УК РФ, развития теории уголовно-правовой квалификации исследуемых деяний, устранения коллизий в подходах к разграничению смежных составов преступлений.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при разработке законопроектов, в том числе направленных на совершенствование уголовного закона в соответствующей его части, и подзаконных нормативных правовых актов; в правоприменительной деятельности правоохранительных и судебных органов в процессе квалификации соответствующих деяний и их отграничения от сходных по отдельным признакам посягательств; в практике предупреждения указанных преступлений для минимизации уровня активности лиц и организаций, ставящих перед собой цель совершения действий диверсионного характера на территории РФ.

Кроме того, материалы диссертации могут быть внедрены в образовательный процесс и использованы при преподавании ряда юридических дисциплин уголовно-правового цикла, в частности, таких как «Уголовное право», «Криминология», «Теоретические основы квалификации преступлений», «Зарубежное уголовное право», «Предупреждение преступлений».

Результаты диссертационного исследования также могут быть использованы в рамках переподготовки и повышения квалификации сотрудников судебных и правоохранительных органов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечена использованием надлежащей методологической основы, описанной ранее; значительного объема отечественного и зарубежного законодательства (УК РФ, ряда федеральных законов, указов Президента РФ, памятников отечественного уголовного права, современного уголовного законодательства ряда государств Ближнего и Дальнего зарубежья – Азербайджана, Армении, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Вьетнама, Дании, Китайской Народной Республики, Латвии, Литвы, США, Франции, ФРГ, Швеции, Эстонии); изучением большого числа доктринальных источников по теме исследования (как авторов, указанных при описании степени разработанности темы исследования, так и многих иных); необходимостью и достаточностью эмпирической базы, характеристика которой дана выше.

Полученные результаты проведенного исследования внедрены в образовательный процесс кафедры «Правового обеспечения государственного и муниципального управления» Владимирского филиала РАНХиГС, кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, а также в деятельность Ивановского областного суда, Владимирского гарнизонного военного суда.

Основные положения и теоретические выводы нашли отражение в 7 научных статьях автора, в том числе в 6, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Результаты осуществленного исследования докладывались на международных («Преступление и наказание: диалектический контент (к 100-летию принятия Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик)», г. Ярославль, 27 сентября 2024 г.; «Современные проблемы публичного права», г. Владимир 12 декабря 2024 г.), всероссийских («Уголовная политика и правоприменительная практика», г. Санкт-Петербург, 1 ноября 2024 г.; «Актуальные проблемы права и правовой политики: междисциплинарный подход», г. Пятигорск, 21-22 мая 2025 г.), а также на межрегиональной («Стратегия развития уголовной политики в условиях проведения специальной военной операции», г. Владимир, 20 февраля 2025 г.) научно-практических конференциях.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа включает в себя введение, 3 главы, объединяющие 8 параграфов, 1 из которых состоит из 2 подпараграфов, заключение, список использованных источников и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, раскрывается степень научной разработанности проблемы, указываются цель и задачи исследования, определяются его объект, предмет, методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, содержится информация о степени достоверности и апробации результатов осуществленных изысканий, описывается структура работы.

Первая глава «Уголовная ответственность за диверсионную деятельность: сравнительно-правовые аспекты» состоит из двух параграфов.

В *первом параграфе* «Генезис ответственности за деяния, связанные с осуществлением диверсионной деятельности, в отечественном уголовном законодательстве» выделены основные этапы ее становления и эволюции на различных этапах существования государства. Анализ исторических документов показывает, что отечественная уголовно-правовая политика в сфере противодействия соответствующим преступлениям движется по определенной траектории, которая обуславливается военно-политической обстановкой, существующей в тот или иной исторический период. Так, в случае ухудшения таковой либо возникновения угрозы в межгосударственных отношениях, которая может перерасти в открытое противостояние, вопросы борьбы с диверсионной деятельностью становятся актуальными, что в свою очередь требует их законодательного регулирования и усиления ответственности за такие действия.

Исторический экскурс позволяет утверждать, что процесс становления и развития уголовной ответственности за преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности, имеет весьма длительную историю. Вместе с тем надлежало оформить соответствующие положения уголовного закона получили тогда, когда на государственном уровне начали признавать насущную потребность в криминализации и пенализации действий, направленных на подрыв государственной инфраструктуры со стороны противоборствующей стороны.

УК РСФСР 1922 г. содержал ряд норм, направленных на борьбу с диверсионной деятельностью, а именно организацию в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а равно участие в выполнении указанных преступлений.

В УК РСФСР 1926 г. также содержались соответствующие нормы (ст. 58¹, 58^{1-а}–58^{1-г} и 58²–58¹⁴). Кроме того, в этот период издавались многочисленные директивы, направленные на борьбу с диверсиями.

Наибольшее количество документов по вопросам борьбы с диверсионной деятельностью по вполне понятным причинам относится к периоду Великой отечественной войны 1941–1945 гг.

УК РСФСР 1960 г. содержал конкретную норму – ст. 68 («Диверсия»), под которой понималось «разрушение или повреждение взрывом, поджогом

или иным способом предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества, совершение массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизоотий с целью ослабления Советского государства». Дальнейшее развитие уголовной ответственности за диверсию было связано лишь с корректированием санкции названной статьи, но в течение всего периода действия последней самое строгое наказание в виде смертной казни оставалось неизменным. Федеральным законом от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ данное деяние было декриминализовано, что, как представляется, не имело под собой никаких объективных оснований.

Ситуация изменилась с принятием УК РФ 1996 г., в котором ответственность за названное преступление установлена в ст. 281 «Диверсия», расположенной в разд. X «Преступления против государственной власти», гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

С 2008 г. ст. 281 УК РФ претерпела ряд изменений: в ней расширен круг предметов преступления, дополнительных объектов уголовно-правовой охраны посредством включения таких признаков, как направленность соответствующих деяний на «нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды». Законодателем расширен перечень оснований уголовной ответственности за диверсионную деятельность путем дополнения УК РФ ст. 281¹, 281², 281³. Федеральным законом от 21.04.2025 № 102-ФЗ были внесены дополнения в ст. 205⁶ УК РФ, касающиеся введения ответственности за несообщение о диверсионных преступлениях, предусмотренных ст. 281, 281¹, 281², 281³ УК РФ.

Таким образом, нормативная база, регламентирующая ответственность за диверсионные преступления, складывалась веками, и каждый исторический этап привносил в понятие диверсии что-то новое. Усиление и детализация ответственности происходили в периоды усиления диверсионной деятельности, осуществляемой как в рамках внутреннего противостояния (период установления советской власти), так и в условиях международных столкновений (Великая отечественная война, СВО).

Во *втором параграфе* «Ответственность за деяния, связанные с осуществлением диверсионной деятельности, по современному зарубежному уголовному законодательству» исследуются соответствующие положения уголовных законов ряда стран Ближнего и Дальнего зарубежья.

Анализ уголовного законодательства государств постсоветского пространства охватил такие страны, как Азербайджан, Армения, Белоруссия, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан. В результате была выявлена не только схожесть названий статей, но и выраженное единообразие в законодательных формулировках объективных и субъективных признаков диверсии в уголовных кодексах этих стран. Кроме того, законодатели названных государств солидарны в определении места диверсии в системе Особенной части уголовных законов – она неизменно относится к преступлениям против государства. Этот факт подчеркивает преемственность в формировании уголовного законодательства, отражая не только близость народов, некогда объединенных общей историей, но и общность подходов к обеспечению национальной безопасности.

Анализ уголовного законодательства Эстонии, Латвии и Литвы выявил отсутствие самостоятельных норм об ответственности за диверсию.

Изучение уголовных законов стран Дальнего зарубежья был основан на исследовании нормотворческого опыта таких стран, представляющих разные правовые семьи, как Германия, Дания, Китайская Народная Республика, Соединенные Штаты Америки, Социалистическая Республика Вьетнам Франция, Швеция. Подвергнув анализу уголовное законодательство перечисленных стран, соискатель пришел к выводу об отсутствии в большинстве законов преступления, именуемого именно «Диверсия». Как правило, понятие диверсии в них «размыто», соответствующие действия предусматриваются различными главами, имеется значительное количество правовых норм, предусматривающих ответственность за действия, связанные с указанной деятельностью. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о бесспорном наличии угроз диверсионного характера при обеспечении национальной безопасности в рассматриваемых странах, о их озабоченности соответствующей проблематикой, а также об отсутствии в правовых источниках этих стран единого подхода к регламентации ответственности за рассматриваемые преступления.

Вторая глава «Специфика уголовно-правовой политики противодействия диверсионной деятельности» объединяет три параграфа.

В *первом параграфе* «Система преступлений, связанных с осуществлением диверсионной деятельности, и их уголовно-правовое содержание», разделенном на *два подпараграфа*, рассмотрены объективные и субъективные признаки преступлений, связанных с осуществлением диверсионной деятельности, система которых в настоящее время охватывает следующие деяния: диверсию (ст. 281 УК РФ); содействие диверсионной деятельности (ст. 281¹ УК РФ); прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281² УК РФ); организацию диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281³ УК РФ). В результате выявлен ряд несовершенств уголовного закона в соответствующей его части.

Соискателем обоснована необходимость законодательного закрепления ряда ключевых определений и категорий, связанных с диверсионной деятельностью. Реализация этой инициативы должна найти отражение в рамках федерального закона «О противодействии диверсионной деятельности». Автором предложены дефиниции понятий, которые отсутствуют в действующем законодательстве: *диверсионная деятельность* – это деятельность, направленная на совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 Уголовного кодекса Российской Федерации; *преступления диверсионной направленности* – преступления, предусмотренные статьями 281, 281¹, 281², 281³, 281⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации, посягающие на предприятия, сооружения, объекты транспортной и критической инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объекты жизнеобеспечения населения либо на компоненты природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации; *диверсионный акт* – форма поведения человека, выражающаяся в совершении взрыва, поджога или иных действий,

направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации; *акт информационной диверсии* – это распространение в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений (фото-, видео-, аудио или иной форме), направленных на формирование у других лиц убежденности в истинности преподносимой ложной информации о поражении объектов критической инфраструктуры, объектов массового скопления людей или гибели людей, либо опубликование фото-, видеоизображений поражения военных объектов или объектов критической инфраструктуры в целях порождения паники или пессимистических настроений в отношении состояния государства и его силового блока, а равно в целях получения выгод имущественного или неимущественного характера; *акт кибердиверсии* – это действия, связанные с неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации на объектах критической инфраструктуры Российской Федерации в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, а равно в целях получения выгод имущественного или неимущественного характера.

Их нормативное закрепление, несомненно, будет способствовать правильной квалификации соответствующих деяний и отграничению преступлений диверсионной направленности от террористических и экстремистских преступлений, а также позволит добиться единообразия в правоприменительной деятельности при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений диверсионной направленности, позволит обеспечить наиболее эффективную их профилактику ввиду того, что указанные категории позволяют выявить признаки диверсионной деятельности на самой ее ранней стадии.

В результате проведенного исследования специфики уголовно-правовой политики противодействия диверсионной деятельности сформулировано понятие системы преступлений, связанных с осуществлением диверсионной деятельности, которая представляет собой совокупность запрещенных уголовным законом умышленно совершаемых общественно опасных деяний, направленных на подрыв экономической безопасности и обороноспособности РФ, предусмотренных статьями 281, 281¹, 282², 282³ УК РФ, входящих в группу преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Соискателем обоснована целесообразность внесения ряда изменений в действующее уголовное законодательство в целях устранения имеющихся в нем пробелов путем криминализации в ст. 281⁴ УК РФ публичных призывов к осуществлению диверсии, публичного оправдания диверсии, пропаганды диверсии. Подобные изменения повлекут за собой и изменения в других нормах как Общей, так и Особенной части УК РФ.

При анализе основного непосредственного объекта диверсии обращено

внимание на отсутствие нормативного закрепления термина «оборонеспособность», хотя он встречается в достаточно большом количестве федеральных законов, Указов Президента РФ, постановлениях Правительства РФ, приказах и распоряжениях федеральных органов исполнительной власти. Автором предложено определение понятия *оборонеспособности* как такого состояния Российской Федерации, при котором обеспечивается возможность вооруженной защиты целостности и неприкосновенности ее территории от нападения, направленного на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда компонентам природной среды, здоровью и жизни людей, а равно на лиц, деятельность которых связана с прогнозированием и оценкой военной опасности и военной угрозы в отношении Российской Федерации, и их близких. Данную формулировку предлагается закрепить в п. 1.1 ст. 1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне».

Законодательное закрепление термина «оборонеспособность» имеет, в том числе, практическую значимость, в частности, с точки зрения правильной и точной квалификации и устранения конкуренции уголовно-правовых норм (например, предусматривающих преступления диверсионной и террористической направленности).

В результате исследования, осуществленного в указанном разделе диссертации, соискателем обоснована необходимость внесения в УК РФ следующих изменений и дополнений:

а) перечень статей, изложенных в ч. 5 ст. 35 УК РФ, дополнить указанием на ст. 281³ УК РФ;

б) примечания 3 и 4 к ст. 281³ «Организация диверсионного сообщества и участие в нем» после слов «в настоящей статье,» дополнить словами «статье 281⁴,» (при условии дополнения кодекса таковой);

в) диспозицию статьи 205⁶ «Несообщение о преступлении» после слов «279,» дополнить словами «, 281⁴,» (при условии дополнения кодекса таковой).

Изучив субъективные признаки преступлений, связанных с осуществлением диверсионной деятельности, автор еще раз акцентирует внимание на значимости установления особой цели диверсионных преступлений – подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации, то есть стремления виновного причинить вред таким объектам уголовно-правовой охраны, при котором снижается возможность обеспечения целостности и неприкосновенности её территории и защиты от нападения.

Соискателем обосновано, что с учетом реалий сегодняшнего дня, а также очевидности того факта, что лицо способно осознавать общественную опасность совершения рассматриваемых преступлений с более раннего возраста, равно как и преступлений террористической направленности (за большинство из которых возраст уголовной ответственности установлен с 14 лет), следует поставить вопрос о его снижении до 14 лет.

Во *втором параграфе* «Дифференциация ответственности за преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности, и подходы к их пенали-

зации» подчеркивается, что соответствующие вопросы в общетеоретическом плане всегда были предметом научных дискуссий и требовали тщательного разъяснения используемых понятий. Отмечено единодушное мнение относительно того, что законодатель, создавая конкретную уголовно-правовую норму, уже придерживается системного подхода к дифференцированной уголовной ответственности.

В результате анализа сформулирован вывод о необходимости определенной доработки подходов к дифференциации ответственности за рассматриваемые преступления и к их пенализации. В контексте этого вывода предложено дифференцировать ответственность за преступление, предусмотренное ст. 281¹ УК РФ, путем включения в ч. 2 указания на совершение преступления педагогическим работником. Кроме того, представляется обоснованным усиление наказания за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 281 УК РФ, путем дополнения санкции данной нормы возможностью назначения пожизненного лишения свободы.

В *третьем параграфе* «Проблемы разграничения преступлений, связанных с осуществлением диверсионной деятельности, и посягательств экстремистской и террористической направленности» рассмотрены вопросы, возникающие при квалификации соответствующих деяний в связи со схожестью их внешних проявлений.

Автор отмечает, что преступления диверсионной направленности имеют явно выраженное сходство с отдельными преступлениями против общественной безопасности, против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, против собственности, а также с некоторыми посягательствами экстремистского характера. Указанное сходство заключается в предмете преступления (ст. 205, 267 УК РФ), альтернативных деяниях, образующих объективную сторону указанных преступлений (ст. 205 УК РФ), а также способах их совершения. В ряду некоторых иных разграничивающих признаков, отмеченных в работе, ключевое отличие преступлений диверсионной направленности, позволяющее отмежевать их от смежных составов преступлений, предопределяет особая цель – подрыв экономической безопасности и обороноспособности государства.

В *третьей главе* «Специфика криминологической политики противодействия диверсионной деятельности», состоящей из трех параграфов, представлен авторский подход к криминологической характеристике личности диверсанта, исследованы причины совершения диверсионных преступлений, предложены средства их предупреждения.

В *первом параграфе* «Криминологическая характеристика диверсионной деятельности» осуществлен всесторонний анализ криминологических аспектов названного вида преступности. Выявленные в диссертации закономерности таковой позволяют утверждать, что диверсионные преступления являют собой не просто отдельные инциденты, а сложное системно-структурное явление.

Соискатель акцентирует внимание на наличии определенных закономерностей в подструктуре диверсионной преступности, в частности, тесно связанных с личностью преступника и ситуационно-виктимными особенностями его преступной деятельности.

В результате соискателем сформулирован вывод о том, что диверсионная преступность представляет собой негативное социальное и системно-структурное явление, характеризующееся наличием устойчивых и закономерных внутренних связей в рамках структуры диверсионных преступлений, внешних связей с другими видами преступлений, а также с характеристиками личности преступника и социальной средой.

В работе предложена дефиниция диверсионной преступности (преступности диверсионного характера), которая представлена в положении 8, выносом на защиту.

В результате исследования выявлено влияние на объем диверсионной преступности социально-экономической и политической (в том числе внешнеполитической) ситуации. Так, в случае их обострения в стране количество диверсионных преступлений резко возрастает.

Во *втором параграфе* «Личность преступника-диверсанта и её роль в процессе детерминации диверсионных преступлений» изучены социально-демографические показатели лиц, совершивших диверсионные преступления, их психологические и психофизиологические особенности и иные характеристики.

Соискателем в результате исследования установлено, что преступниками-диверсантами, как правило, становятся несудимые мужчины в возрасте от 30 до 49 лет, нетрудоустроенные, являющиеся местными жителями, что в целом затрудняет прогнозирование индивидуального преступного поведения. При этом они склонны к быстрой криминализации, обладают криминальной установкой и обычно совершают два и более преступления.

Автором выявлена тенденция изменения характеристик личности диверсанта в условиях СВО за счет активно вовлечения иностранными спецслужбами в преступную деятельность несовершеннолетних и лиц из числа молодежи, нуждающихся в материальных средствах, что прогнозируемо приводит к сегментированию характеристик личности преступника на различные группы, соответствующие главенствующим мотивам. Идейные диверсанты сохраняют свойства, приближенные к типичным в настоящее время, в то время как корыстные диверсанты отличаются более молодым возрастом и более низким уровнем образования, а с нравственно-психологической стороны – меньшей социализацией, корыстолюбием, конформностью.

В диссертации соискателем выделяются два характерных типа личности диверсанта – идеологический, отличающийся особой опасностью и активным поведением при формировании криминогенной ситуации, и корыстный, которому присущи ситуативные и случайные модели преступного поведения.

В *третьем параграфе* «Детерминанты диверсионной деятельности и средства её предупреждения» исследованы внутренние детерминанты диверсионной преступности, способствующие совершению соответствующих посягательств.

Соискателем обосновано влияние различных факторов на процесс детерминации диверсионной преступности в России. Для полноты их познания необходимо использовать несколько классификаций, среди которых особое место занимают детерминанты по механизму происхождения, позволяющие выделять

внешние факторы, возникающие и развивающиеся за пределами национальных границ (международные и зарубежные факторы), и внутренние факторы, продуцируемые негативными процессами внутри страны. Данная классификация детерминант преступности предопределяется социальным значением диверсии, являющейся инструментом острого противостояния акторов международных публичных отношений. Основные внешние причины диверсий связаны со стремлением стран коллективного запада сохранить гегемонию и обеспечить себе экономический рост за счет интересов других государств, предопределившим начало СВО. Внутренние факторы разнообразны и проявляются в социально-экономических, правовых, политических, культурно-нравственных проблемах.

Среди наиболее значимых внутренних детерминант диверсий следует отметить политические факторы, выраженные в политическом нигилизме, недоверии к власти и недовольстве проводимой политикой; правовые факторы в виде правового нигилизма и низкого уровня правовых знаний об уголовной ответственности за диверсию; культурно-нравственные факторы, проявляющиеся в снижении уровня патриотизма, развитии корыстолюбия, а также в наличии культурно-национальных и религиозных противоречий.

Соискателем обоснована целесообразность расширения комплексного идеологического воздействия на население и в первую очередь на несовершеннолетних и молодежь с целью формирования патриотизма, укрепления любви к Родине, развития правовой культуры и политической грамотности, неприятия экстремизма, терроризма и диверсионной преступности. Для этого необходимо внести в Комплексный план противодействия идеологии терроризма в РФ на 2024–2028 годы положения, позволяющие интегрировать в существующий механизм профилактики терроризма элементов воздействия на детерминанты совершения диверсий.

В работе сделан вывод о перспективности информационно-технологического направления предупреждения диверсий, связанного с увеличением автоматизации мониторинга интернет-пространства, в том числе с использованием искусственного интеллекта, для выявления и пресечения действий, направленных на вербовку диверсантов и распространение вредоносного контента, угрожающего основам конституционного строя и безопасности Российской Федерации.

В **заключении** представлены основные теоретические выводы, конкретные рекомендации и предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности в соответствующей их части.

Приложения содержат проект Указа Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы, опросные листы, обобщенные результаты социологического опроса практических работников, а также студентов юридических вузов (факультетов).

**Основные положения диссертации
нашли отражение в следующих публикациях (общий объем 4,2 п.л.)**

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования результатов диссертационных исследований:

1. Пикина, Т.В. Проблемные аспекты квалификации преступлений за совершение диверсии / Т.В. Пикина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 4. – С. 259–265 (0,75 п.л.).

2. Пикина, Т.В. Эволюция института уголовной ответственности за преступления диверсионного характера / Т.В. Пикина // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2023. – № 4 (52). – С. 165–171 (0,75 п.л.).

3. Пикина, Т.В. Уголовная ответственность за диверсионную деятельность по законодательству зарубежных стран / Т. В. Пикина // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 2 (71). – С. 157–160 (0,4 п.л.).

4. Пикина, Т.В. Криминологическая характеристика личности преступника-диверсанта / Т.В. Пикина // Вестник военного права. – 2024. – № 3. – С. 82–87 (0,6 п.л.).

5. Пикина, Т.В. Особенности уголовно-правовой охраны жизни лиц, обеспечивающих обороноспособность государства / Т.В. Пикина // Вестник военного права. – 2025. – № 2. – С. 90–94 (0,5 п.л.).

6. Пикина, Т.В. Специфика уголовно-правового противодействия преступлениям против безопасности государства в условиях проведения специальной военной операции / Т.В. Пикина // Вестник Владимирского юридического института. – 2025. – № 2 (75). – С. 187–192 (0,6 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

7. Пикина, Т.В. Типология личности преступника-диверсанта / Т.В. Пикина // III Ярославский юридический форум: сборник научных статей по вопросам уголовного права и криминологии (Ярославль, 27–28 сентября 2024 г.). – Ярославль: ООО «Канцлер», 2025. – С. 154–159 (0,6 п.л.).

П и к и н а Татьяна Владимировна

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ
ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Подписано в печать 09.10.2025. Формат 60X84 1/16
Печать цифровая. Объем 1,4 п.л. Тираж 150 экз. Заказ № _____

Тираж отпечатан с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Просвещение-Юг»
350080, г. Краснодар, ул. Бородинская, 160/5